

Пути и перекрестки современной эпистемологии (размышление над книгой)

Н.И. Кузнецова

В статье анализируются проблемы современной эпистемологии в контексте осмысления книги известного и авторитетного специалиста в области современной эпистемологии и философии науки Людмилы Александровны Микешиной [Микешина 2016]. Показано, что современная эпистемология переживает период тематических, терминологических и содержательных трансформаций. Автор проводит мысль о том, что в книге Л.А. Микешиной осуществлена масштабная попытка демонстрации интеллектуальных процессов, в которые была вовлечена гносеология и которые в конечном итоге существенно трансформировали ее проблематику, цели и задачи. Суть в том, что традиционная гносеология превратилась в XX столетии в дисциплину иного характера — эпистемологию, стремящуюся быть как можно ближе к конкретной познавательной практике, отражать насущные методологические запросы и поиски научного познания. Особое внимание уделяется различию классической и неклассической эпистемологии, проблеме рациональности, осмыслению роли феноменологии в расширении современной эпистемологической проблематики, диалогу когнитивных практик как одной из важнейших методологических стратегий современной философии познания и др. На передний план выходит также и обсуждение возможных контуров современной онтологии познания, представленных в отечественных эпистемологических проектах В.А. Лекторского, Б.И. Пружинина, В.С. Стёпина, В.Н. Садовского, Н.С. Автономовой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гносеология, эпистемология, теория познания, междисциплинарный синтез, диалог когнитивных практик, философия познания.

КУЗНЕЦОВА Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор кафедры современных проблем философии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва.

cap-cap@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 9 сентября 2018 г.

Цитирование: *Кузнецова Н.И.* Пути и перекрестки современной эпистемологии (размышление над книгой) // *Вопросы философии.* 2018. № 12. С. 119–130.

В современном теоретико-познавательном сообществе произошло изменение концептуально-терминологической рамки: переход от «гносеологии» к «эпистемологии». Изменение это совершилось без обсуждения тонкостей вопроса, как бы «по умолчанию». А это, на мой взгляд, существенная трансформация не только базового концепта, но и тематических предпочтений, и содержательных тонкостей. А потому такая «перемена участи» требует специальной рефлексии. Книга Людмилы Александровны Микешиной, посвященная междисциплинарным синтезам современной теории познания, яркое подтверждение этой трансформации. Она пишет живо и полемично, и это сразу включает профессиональное внимание: «Сегодня философия все еще “живет” и развивается с таким представлением, что “издревле”, всегда существовали категории “субъект” и “объект” и основанное на них

учение о познании. Это касается не только изучающих философию, но и многих философов-профессионалов, которые могут об этом просто не задумываться. <...> Устойчивое и широко распространенное представление о том, что категории “субъект” и “объект” существовали всегда, привело, во-первых, к онтологизации этих категорий, особенно в “обыденном” философском знании, а во-вторых, к их применению в философских текстах, исследующих проблемы познания Античности, Средневековья, т.е. додекартовского периода» [Микешина 2016, 7]. Отсюда проистекает общая постановка задачи: проследить развитие эпистемологических представлений и ключевых терминов в их исторической явленности.

Интервенция феноменологии

Первый раздел книги формулирует радикальный, но тщательно обоснованный далее автором тезис: «...необходимо *понизить степень абстракции субъекта познания*, оставаясь при этом в сфере философии и не переходя к психологическим или социологическим параметрам субъекта. <...> Это лишь узаконит тот факт, что сегодня в ходе эпистемологического анализа во многих случаях *de facto* добавляются качества и свойства, существенно обогащающие субъекта познания, расширяющие содержание этой категории в целом» [Микешина 2016, 23]. Обратим внимание на характерную оговорку – *de facto*. Вероятно, кто-то из философов, действительно, пытается решать проблемы теории познания, совершает подобные ходы, считая, что этим обогащает представления эпистемологии. Но ведь эпистемология XX столетия в сложившейся ее традиции такой постановке вопроса решительно сопротивляется! Знание интересует эпистемологов в той форме его существования, когда «земные черты» его генезиса уже стерты, когда оно покидает лоно субъективного сознания и становится феноменом «третьего мира». В надличностном мире науки, как известно, нет Ивановых, Петровых, Шмитов – нет имен и судеб, но только тексты, которые могут стать основой диспозиции «быть понятыми» и дать возможность высказаться самой Природе (изучаемому объекту). Совершенно непонятно, каким образом феноменология может ставить и решать вопрос о строении научной теории, возможности кумулятивного и некумулятивного развития науки, ответить на вопрос о гипотетико-дедуктивной модели организации научного знания и т.п.

Микешина, напротив, уверена: «Сегодня нельзя не учитывать, что *человек познающий* обладает экзистенцией, “жизненным миром”, системой ценностей, не только обыденным, но и специализированным знанием, вписан в культурно-исторические и социальные отношения» [Микешина 2016, 23–24]. Она критически относится к концепции «третьего мира» (мира объективного знания) К. Поппера, его провоцирующей идее об «эпистемологии без познающего субъекта». С ее точки зрения, плодотворный путь для современной эпистемологии состоит в том, чтобы пойти *не тем* путем, который проложили Декарт и Кант, хотя надо отдать должное достоинствам абстракции «трансцендентального субъекта». Понятно, что теперь, как представляется автору, путь эпистемологии лежит к экзистенциализму и феноменологии. Но это в какой-то мере не добровольное следование, а демонстрация интервенции в теорию познания идей двух важнейших философских школ XX столетия, поскольку очевидно, что привычные категории «субъект» и «объект», понимаемые как два полюса познания, будут радикально трансформированы. Означает ли это, что «субъект-объектная» схема познания должна подвергнуться полной деконструкции?

Людмила Александровна обсуждает так поставленный вопрос осторожно и деликатно, но обстоятельно. «Сегодня у эпистемологии, пришедшей на смену абстрактной гносеологии, принципиально иная и более сложная задача – не столько осуществить предельную гносеологическую абстракцию, приближаясь к трансцендентальному уровню, сколько выявить и оправдать формы и результаты необходимого присутствия субъекта в реальном знании, в его структурных и операциональных компонентах, представить это в категориях философии познания. *Снижение уровня абстракции* до эмпирического субъекта соответственно влечет нестрогость, релятивность, неполную проверяемость, что лишает знание, казалось бы, объективной истинности и статуса научности» [Микешина 2016, 24]. Как же избежать таких опасных ловушек?

Далее автор рисует ту тропинку, идя по которой, кажется, невозможно не признать правоту ее аргументов о необходимости в конечном счете привлечения именно феноменологии для расширения представлений о познающем субъекте. Путь этот лежит через анализ способов образования понятий в социогуманитарном познании, «науках о духе». Прежде всего, Людмила Александровна обращается к тем работам, которые уже ставили вопрос о телесности человека в качестве характеристики познающего субъекта. Возражения относительно универсальности декартовского *Cogito* с этих позиций высказывались давно, отнюдь не вчера. Скажем, М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» советует признать, что *смысл* рождается не только от универсального конструирующего сознания, но и от телесности. К.-О. Апель, в свою очередь, полагает, что картезианское субъектно-объектное отношение недостаточно, поскольку чистое сознание объекта, взятое само по себе, не может «извлечь значение из мира». Сознание должно заставить себя стать существующим как единое целое здесь и сейчас, как телесная, вещественная вовлеченность (*man's bodily engagement*) когнитивного сознания. Совершенно правомерным выглядит первоначальное подведение итогов рассмотрения кризиса Декартовой (да и всей традиционной западноевропейской) схемы акта познания. Автор рецензируемой книги утверждает: «Таким образом, можно констатировать, что реконструкция познания давно уже не ограничивается гносеологическим субъектом или “сознанием вообще”, она осуществляется исходя из разных оснований, представлений и целей субъекта, в частности из жизни как “жизнеосуществления” и “жизненного мира”, по Э. Гуссерлю, и телесно ориентированного подхода в эпистемологии» [Микешина 2016, 26].

К уже сказанному о «конкретизации» эмпирического субъекта следует прибавить аспекты коммуникации и конвенциональности. Людмила Александровна выражается здесь строго: «Наивно-материалистические представления о природе научного познания часто подвергали критике конвенциональность, считая ее произволом и субъективностью. Однако если не сводить познание только к отражательным процедурам и признать коммуникативную природу познавательной деятельности, то многие “механизмы” и результаты познания должны быть переоценены» [Микешина 2016, 29]. Она напоминает, что К. Поппер в «Открытом обществе» довольно подробно останавливался на вопросе о роли конвенций в познании и считал весьма важным понимание различия между законами природы и законами юридическими и тому подобными (нормативными регуляторами, соглашениями). Последние следует понимать как конвенции, которые люди могут оценивать и изменять, причем в полной мере нести за них моральную ответственность. Людмила Александровна продолжает рассуждать, напоминая о работе Э. Кассирера «Логика наук о культуре», в которой он ярко демонстрирует различие в способах образования понятий в естественных и гуманитарных науках. Науки, изучающие культуру, не стремятся ни к универсальности законов, ни к индивидуальности фактов, у них собственный познавательный идеал. Следует продолжить анализировать способы образования понятий в круге социогуманитарных дисциплин, чтобы убедиться, насколько прозорливы наблюдения Кассирера в этом плане. Крайне интересной иллюстрацией служат размышления Людмилы Александровны над трудами одного из выдающихся отечественных филологов А.В. Михайлова. Было просто необходимо услышать мнения самих гуманитариев о том, как образуются абстракции в их собственной работе, каковы способы бытия общих понятий в исследовательском поле гуманитария.

А.В. Михайлов говорит о слове «логика», которое схватывает не просто и не только то, что она сумела запечатлеть и омертвить в своих правилах формализации и математизации, кардинально удаляясь от всего «поэтического». Нет, литературоведение по-своему выражает логику, по-своему стремится показать действие ее законов — даже в сфере алогичного, иррационального, абсурдного. Нет никакого сомнения в том, что в истории литературы есть своя, особая логика, но, очевидно, не та, которая допускает формально-логические определения «через род и видовое отличие». Формально-логическое определение в литературоведении приводит только к появлению того, следует назвать «номенклатурной маркой», без внутренней формы. Такая марка живет как

«маска явлений», вытесняющая неформализованный термин, живущий тем не менее реальной жизнью в его истории, сохраняющий все богатство смысловых оттенков. Крайне важно, заметим, это размышление, позволяющее специфицировать оттенки таких привычных понятий, как «романтизм», «классицизм», «барокко» и подобных им. А.В. Михайлов называет подобные цели нашего понимания заключает: «Очевидно, что Михайлов... <...> не ставит вопрос даже о типизации, все обобщения и дефиниции “привязаны” к знающему и понимающему субъекту — обладающему *интуицией* ученому-профессионалу, который может увидеть и учесть, например, разные основания у “терминов движения”, входящих в одну группу понятий» [Микешина 2016, 44].

На фоне обращения к опыту образования понятий в литературоведении рассматривается такая знаменитая работа, как «Грамматология» Ж. Деррида, в которой речь идет о способах формирования гуманитарных понятий. «Здесь важны идеи не только Деррида, — подчеркивает Людмила Александровна, — но и видение проблемы понятий самой Н.С. Автономовой — известным специалистом в области гуманитарного знания и переводов трудов французского философа» [Микешина 2016, 45]. Уже с помощью Наталии Сергеевны (речь о ее книге [Автономова 2011]) мы убеждаемся, что никакой единой схемы образования гуманитарных понятий просто нет.

«Грамматология» — дисциплина не логоцентричная, но эмпирическая и историческая и потому демонстрирующая, что идет постоянный исторический процесс деконструкции важнейших понятий, приобретение ими новых и неожиданных смыслов и значений. Процесс деконструкции не является направленным, линейным, как бы то ни было упорядоченным, он движется неожиданно — то «вверх», то «вбок», то высказывает в «иное». То он похож на «разветвление», а то вдруг разрушение привычного смысла задерживается «на стыках с традиционным».

Здесь мне хотелось бы сделать некоторое отступление общего характера. Этот раздел книги («О некоторых особенностях образования общих понятий с позиций Ж. Деррида») выполнен, я бы сказала, мастерским педагогическим приемом, на который следует обратить особое внимание. Деконструктивный анализ Деррида можно усвоить благодаря усилиям Н.С. Автономовой, а Людмила Александровна проводит свою линию, рассказывая одновременно и о Деррида, и о работе Наталии Сергеевны. Такой «3D пересказ» очень эффективен. В конечном итоге рельефно показано, что в формировании и развитии понятий гуманитарных наук (в том числе философских) нельзя наблюдать тех логических закономерностей, наличием которых славится естествознание. И эта специфика выглядит более отчетливой, чем при сравнении «номотетических» и «идиографических» дисциплин. Более того, отслеживать распад привычных понятий, их мутации, новое смыслопорождение старых терминов совершенно необходимо. Иногда, вероятно, философия должна сама совершать «деконструкции» с целью приблизиться к реальности гуманитарного познания.

Завершается переход к центральному пункту данного раздела монографии рассмотрением в качестве case-study работы Э. Кассирера о становлении классической эстетики (XVIII в.) как самостоятельной дисциплины. И опять мы видим «3D прием»: Людмила Александровна довольно подробно излагает работу Кассирера «Философия Просвещения» [Кассирер 2004], которая реконструирует историю становления классической эстетики на богатом историко-философском материале. Замечательно, что эстетика начинается с великой мечты — найти своего «Ньютона»! Но не получилось. Показано, что следовать примеру Ньютона в данном случае означало пойти *совсем иным путем* в попытках выявить специальные категории для отражения процессов развития различных видов искусства.

И все же главная цель данного раздела книги — указать магистральную дорогу развития современной эпистемологии гуманитарного познания. Пункт назначения, как показывает Людмила Александровна, феноменология. И буквально погружает читателя в водоем аргументации, принуждая согласиться с тем, что выбора у эпистемолога нет: необходимо следовать путем М. Шелера, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера. Казалось бы, Людмила Александровна использует «мягкую силу» последовательного убеждения, но,

по сути, заставляет читателя признать неотвратимость вторжения феноменологического категориального аппарата в данную сферу эпистемологии. Такое вторжение можно, однако, с полным основанием назвать только интервенцией: происходит захват исследовательской территории (эпистемологии), которая была рождена в процессе «отпочкования» из классической гносеологии и по закону демаркации принадлежит сегодня традиции аналитической философии. Иначе говоря, следует еще доказать, что феноменологию, без потери ее специфического содержания, можно представить как эпистемологический проект.

Мне представляется, что признание абсолютной правомерности происходящей интервенции должно обсуждаться вновь и вновь. Не все здесь концы с концами сходятся, и нет пока убедительно ясной картины успешного синтеза дисциплинарных матриц эпистемологии и феноменологии. Соотнесение проблем феноменологического изучения «субъекта познающего» и закономерностей «третьего мира» (объективного знания) пока, мне кажется, не совершилось.

Диалог когнитивных практик: поиск стыковочных узлов

Превосходно продемонстрированы в рецензируемой книге разнообразные когнитивные практики гуманитарных наук, прежде всего различные виды исторических исследований. Методологические сдвиги в осмыслении истории очевидны, неожиданны, провокационны. Крайне смело построен тот раздел, который посвящен забытым темам — «пасынкам эпистемологии», как афористично названы Микешиной такие «измы», изъятые из научного обращения, как синкретизм, догматизм и т.п. И вот она смело отстает их «право быть» и право «быть исследованными». Однако у читателя есть возможность возразить: право «быть исследованными» и «право быть» вовсе не синонимы! Реактуализация какого-то методологического подхода вовсе не следует из признания того, что некий когнитивный феномен существовал и сыграл свою роль в развитии научного познания. Имеет место, скорее, обратное: анализ прошлых процедур познания сплошь и рядом убеждает в необходимости решительного отказа от многих когнитивных практик, имевших бесспорное «право быть».

Разнообразны и увлекательны проблемы, представленные для философских размышлений развитием современной исторической науки. Думаю, что этот раздел («Междисциплинарные синтезы в социально-гуманитарных науках») с удовольствием и пользой для себя прочтут не только философы, но и историки. Ландшафт методологических проблем, который здесь представлен, позволяет познакомиться с актуальными дискуссиями самого широкого характера. При этом Людмила Александровна замечает, что один из ведущих журналов — такой, как «Вопросы истории» — за 14 лет (1999–2013) опубликовал только одну (!) методологическую статью. Зато журнал «Новая и новейшая история» смело обратился к спорным методологическим вопросам, и здесь картина иная: за 18 лет (1995–2013) опубликовано более 30 статей такого характера. Не приходится сомневаться в том, что редакционная политика «Вопросов истории» сформирована в тяжелые времена, когда споры о методологии могли привести к самым печальным для дискуссионщиков последствиям. Однако другие времена уже настали и требуют, с точки зрения Микешиной, «базовых перемен».

В качестве информативной интродукции к обзору новейших для отечественного научного сообщества (как философов, так и историков) тем и проблем рассмотрены зарубежные работы и русские переводы таких вольнодумцев, как Ф.Р. Анкерсмит, Дж. Гуди, А. Данто, П. Рикёр, Х. Уайт и других авторов, умеющих развернуть скрытые ранее от нашего ока острые методологические вопросы исторического познания [Анкерсмит 2009; Гуди 2015; Данто 2002; Рикёр 2000; Уайт 2002]. Прекрасно также, что Людмила Александровна внимательно изучила работы отечественных историков, смело осваивающих новую тематику и наводящих в ней порядок с точки зрения профессионалов — Л.П. Репиной, И.М. Савельевой, З.А. Чеканцевой, О.В. Воробьевой, В.В. Зверевой, М.Ю. Парамоновой, С.И. Посохова, К.В. Хвостовой и др. Цитируемой литературы столь много, что поражаешься обширности осведомленности философа и веришь тому, что Микешина способна охарактеризовать разнообразную когнитивную практику современной исторической науки

и заставить профессионалов вступить в диалог. Чтобы обеспечить междисциплинарный синтез, тем не менее следует нащупать или построить «стыковочные узлы». Именно эта задача решается в данном разделе.

Здесь также действует педагогический прием «3D изображения», о котором я говорила выше. На первом плане исторический или методологический сюжет (а); который обсуждается в работе интересного автора (б); именно эту работу вместе с содержащимся в ней нарративом анализирует и комментирует сама Людмила Александровна (в). Получается более чем стереоскопическая аналитическая реконструкция. В данном разделе представлены целых 5 case-study, выполненных в таком стиле. Пересказать это невозможно, надо читать, однако сами по себе эти заголовки насыщенно информативны: 1. «Письмо Г.Г. Шпета Д.М. Петрушевскому» (письмо 1928 г.); 2. «Эпистемологическая новизна и междисциплинарность исследования К.В. Хвостовой “Византийская цивилизация как историческая парадигма” (2009)»; 3. «“Поэтика истории” Х. Уайта»; 4. «Э. Доманска: зарубежные историки об истине в жанре интервью»; 5. «Исследование филолога-германиста А.В. Михайлова (1938–1995) об искусстве и истине поэтического в австрийской культуре середины XIX в.».

Людмила Александровна следующим образом подводит итоги столкновения когнитивных практик и поисков междисциплинарного диалога. В центре расхождений оценка «истины» и «объективности» знания в контексте гуманитарного познания. Очевидно, что мастерам исторической науки (да и вообще гуманитариям) очень-очень тесно в прокрустовом ложе корреспондентной теории истины. И выход, как он видится Микешиной (с чем я лично полностью согласна), единственной: осваивать представления неклассической эпистемологии. «Неклассическая рациональность характеризуется тем, что наивно-реалистическая позиция переосмысливается, при этом осознается, что активная деятельность субъекта-исследователя по получению, проверке, обоснованию и построению научного знания является не помехой, но условием получения объективно истинного знания. Более того, учитывая свою активность и присутствие, именно исследователь разрабатывает и применяет способы нейтрализации своего влияния» [Микешина 2016, 237].

Не забыты, как говорилось, Л.А. Микешиной кажущиеся сегодня маргинальными темы классической эпистемологии (раздел III монографии): значение в научном познании методологических принципов догматизма, редукционизма, эклектицизма, синкретизма, релятивизма, а также практики мистицизма. Все эти «измы» когда-то получили отрицательную оценку и своего рода запрет на применение в исследованиях, претендующих на научность. Людмила Александровна предупреждает, что отрицательные оценки реальных приемов познания в неклассической эпистемологии просто неуместны. Как всегда, привлечен большой историко-философский материал (как классической, так и современной философии) для пересмотра и ревизии забытой тематики. Пора избавиться от черно-белых оценок, учитывая всю сложность жизнедеятельности человека как субъекта познания. «Этот “сложностный” подход, – говорит она, – предполагает существенное возрастание детализации, полноты и взаимосвязей-взаимодействий, изменение акцентов на значимости окружения и элементов деятельности человека. Ничто наработанное и постоянно воспроизводимое человеком не может получать односторонние “идеологизированные” оценки, быть “выброшенным” из истории деятельности и познания, культуры и социума за ненадобностью» [Микешина 2016, 339]. Оценка ситуации в целом выглядит убедительно, но сам призыв к такому обращению к прошлой методологии, мне кажется, ведет, как минимум, к исследовательским рискам.

Контурь новой онтологии познания

В построении неклассической эпистемологии участвовали многие отечественные философы. Специфика четвертого раздела отражена в заголовке – «Анализ идей отечественных эпистемологов». Преодоление наивно-материалистической точки зрения в теории познания – красная нить такого рассказа. Л.А. Микешина сумела обозначить принципиальные точки интеллектуальных разворотов, наглядно демонстрируя, что в

нашем философском сообществе действительно сложилась «коллективная рациональность», позволившая пройти этот нелегкий путь. Напомним, что «коллективная рациональность», по Мертону, подразумевает наличие общих норм (norms) и ценностей (values). И такое единство, основанное на рациональности без идеологии и искреннем доверии, в нашем философском сообществе, действительно, сложилось и было реализовано на деле. К сожалению, прибавим, следует признать, что далеко не все наши философы-преподаватели сумели справиться с терниями расширения кругозора, остались на прежних позициях, на «редутах» теории отражения, не желая «сдаваться» и рассматривая такое поведение как высшую добродетель стойкости и верности традиции, т.е. отжившему свой срок мировоззрению.

Первое имя в авангардном ряду современной отечественной эпистемологии — имя академика В.А. Лекторского. Именно ему мы обязаны термином «неклассическая эпистемология», обозначившим принципиальную трансформацию исследовательской территории, новую эру нашей ментальности (см.: [Лекторский 2001; Лекторский (ред.) 2012]. «Российские эпистемологи — последователи и ученики Владислава Александровича — имеют своего флагамена, формирующего принципиальные идеи, критико-аналитические оценки и трактовки положений, разработанных другими философами, в частности зарубежными», — совершенно справедливо отмечает Микешина [Микешина 2016, 344]. Другими словами, именно Лекторский умеет составить «повестку дня» современной эпистемологии и удерживать ее в фокусе внимания, стимулируя дискуссии в отечественном сообществе, обозначая актуальные темы, сталкивая мнения и заставляя улавливать глубинную связь между различными проблемами. Бесценное качество! Именно оно делает Владислава Александровича несомненным лидером, а не диктуемое академическим званием требование следовать его собственному мнению, идти в его личном фарватере.

Если в предыдущих разделах все внимание Людмилы Александровны было сосредоточено на трансформации понятия «субъект», то теперь речь пойдет прежде всего об онтологии. Вопрос в том, что при деконструкции традиционной «субъект-объектной» схемы познания необходимо усложнять представления не только о *познающем субъекте*, но и о том, что является *объектом познания*. Каким образом теория (согласимся с тем, что она есть некая семиотическая конструкция) соотносится с объектом, который сам по себе «проживает» в реальности? Давно известно, что теория справедлива относительно так называемых «идеальных объектов» — «материальной точки», «идеального газа» и т.п. Даже простейшие квазиэмпирические понятия — «стол» или «стул», например — вовсе не обозначают тот стол, на котором стоит мой компьютер, и стул, на котором я сижу. Как же тогда в знании представлена сама реальность? Имеет ли реальность собственный голос в семиотических постройках научных понятий и теорий?

В.А. Лекторский уже давно привлек внимание нашего сообщества к концепции онтологической относительности [Лекторский 1980]. Знакомство со статьей Куайна когда-то пробудило многих эпистемологов от догматического сна [Quine 1968]. Сам Куайн настаивал: если отказаться от позиций абстрактной метафизики (трансцендентализма любого рода), то следует признать, что онтологию создает язык, который в свою очередь порождает относительность референции. Он показывал это на хрестоматийном теперь примере — трудностях перевода слова «гавагаи» из лексикона каких-то далеких туземцев на европейский язык. Может ли европеец уверенно перевести это слово как «кролик» и считать такой перевод адекватным оригиналу? Людмила Александровна подчеркивает: «При этом речь идет не столько о неопределенности значения (интенционала), сколько о неопределенности экстенционала, референции, “поведенчески непознаваемой”. Непрозрачность референции имеет место и у каждого из нас, в родном языке, она “бессмысленна до тех пор, пока она не соотнесена с некоторой координатной системой”. Это и есть “принцип относительности”, в котором для Куайна содержится решение проблемы» [Микешина 2016, 346].

Лекторский корректно, но твердо возражал: «...вопреки мнению Куайна — еще до овладения языком субъект уже умеет выделять объекты внешнего мира. <...> Само

усвоение языка предполагает, что субъект владеет определенными “механизмами референции”, т.е. способами отнесения знания к действительности — эти “механизмы” включены в исходные перцептивные структуры. Основные типы референтов и системы значений не конструируются языковой системой, а предпосланы ей» [Лекторский 1980, 228]. Сама тема референциальности языковых выражений была принципиальным уходом от «теории отражения», в рамках которой ощущение, восприятие, понятие, теория всегда, так или иначе, «отражают» реальность. Традиционная категориальная рамка просто не давала обнаружить, прорваться к насущным проблемам построения онтологических представлений.

Необходимый отказ от «внутренних тюремщиков» неуклонно продолжался, открывая новые грани эпистемологической проблематики. Среди важных действующих лиц этого процесса Людмила Александровна выделяет Б.И. Пружинина, В.С. Стёпина, В.Н. Садовского, Н.С. Автономову.

Б.И. Пружинин, говорит Микешина, обеспокоен как судьбой науки, так и судьбой учения о ней. Его размышления о границах между наукой и псевдонаукой и сегодня актуальны. Этим и значима его книга «Ratio serviens? Контурь культурно-исторической эпистемологии» [Пружинин 2009]. Но в последнее время, на что обращает внимание Людмила Александровна, он поднял совершенно новую тему, обратившись к освоению трудов русской философии, теме «достоинства знания», которую обсуждали в свое время П.Д. Юркевич и Г.Г. Шпет [Достоинство знания 2016]. Мы сегодня возвращаемся к отечественной философской традиции как целостному феномену, заново осваиваем ее интеллектуальное богатство и эпистемологическую специфику.

Пружинин, в частности, прослеживая глубокую связь взглядов П. Флоренского и Г. Шпета, отмечал, что оба они ясно указывали на различие типов наук (естественных и гуманитарных, объясняющих и описательных), признавая правомерность их относительно автономного бытия как особых наук, решающих существенно различные задачи познания. Оба они опирались в своих рассуждениях на рефлексию самых авторитетных естествоиспытателей и гуманитариев своего времени — Э. Маха, Г. Гельмгольца, Г. Кирхгофа, А. Пуанкаре, Г. Герца, П. Дюгема, М. Вебера, Г. Зиммеля. Методология, как считает Шпет, — это уяснение *реально функционирующих* в исследовании методов. Людмила Александровна старается, чтобы читатели уяснили этот поворот: «И далее важное утверждение Пружинина: логика для Шпета не есть эмпирическое обобщение научной практики, она, по выражению самого Шпета, “будучи наукой о науках, не есть эмпирическая наука о них”, если “верно убеждение логики, что во всякой науке столько науки, сколько в ней логики, то логика должна лежать в основе методологических научных построений, а не быть системой обобщений из данных научного развития”. Я считаю это важной проблемой, которая не всегда осознается как исследователями, так и философами и методологами» [Микешина 2016, 394].

«Сервильный» характер науки, если уж он проявляется, свидетельствует об отсутствии «достоинства» данной дисциплины. Такова, по Пружинину, астрология и подобные ей сферы деятельности. «В целом можно прийти к выводу, — говорит Людмила Александровна, — что, не будучи логико-методологическим, понятие “достоинство науки” содержит базовые эпистемологические смыслы, явно или неявно включая систему методологических, культурно-исторических и социальных ценностей в гуманитарное или естественнонаучное знание» [Микешина 2016, 396].

Бесспорна значимость творческих усилий Вадима Николаевича Садовского для изменения траекторий развития отечественной методологии и философии науки. Вадим Николаевич, если сформулировать кратко, сумел пересмотреть традиционную тематику методологии науки и существенно обновить постановку вопросов в ней (см.: [Садовский 1983; Садовский 2004]). Сюда относятся проблема единства научного метода и объективности знания, специфика естествознания и гуманитарных наук, критерии демаркации науки и ненауки, проблема истины и правдоподобия в социогуманитарных науках, логика развития науки в целом. Во многом благодаря его личным усилиям, мы теперь хорошо осведомлены о работах К. Поппера и бурных провокативных дис-

куссиях вокруг его концепции. Характерно, например, что само понятие «правдоподобие» теорий с громадным трудом приживалось в нашем лексиконе. И Людмила Александровна печально и безжалостно напоминает об этом: «Реальная история науки — это не столько отбрасывание ложных, сколько сменяемость теорий, сравнимых по степени правдоподобности. Однако у нас это понятие не прижилось, поскольку господствовало наивно-реалистическое представление об истине, и теория познания... в таком термине не нуждалась» [Микешина 2016, 408].

С именем академика Вячеслава Семеновича Стёпина, подчеркивает Людмила Александровна, связана не только оригинальная разработка концепции научной теории в динамике ее исторических изменений, о чем все хорошо знают, но и постановка вопроса о необходимости принципа антропологизма в исследовательском поле современной философии науки (см.: [Стёпин, Аршинов и др. 2017]). Его книга «Философская антропология и философия науки» опубликована в 1992 г., и Микешина напоминает, что слово «антропология» было в советскую эпоху исключительно «буржуазным» и потому ругательным. Характерно, что солидный академический сборник 1986 г. имел такой отчетливый «маркер» заголовка — «Буржуазная философская антропология». Стёпин, напротив, достаточно вызывающе утверждал, что между проблематикой философской антропологии и философии научного познания существует глубокая содержательная связь (см.: [Стёпин 1992, 3]). И при анализе механизмов роста знания, и при обсуждении проблемы особенностей науки, ее места в системе культуры, исторической смены типов научной рациональности — во всех этих ситуациях — обнаруживается деятельностная природа научного исследования и его человеческая размерность.

Мнение В.С. Стёпина было очень весомо. И Микешина отдает должное такой современной постановке вопроса, приветствует расширение тематики философии науки: «Тенденция вывести человека за скобки, вообще элиминировать, сделать вид, что он второстепенен или даже мешает получить оптимальный результат... означает приверженность к классическим, просвещенческим образцам или “техническую” необходимость при осуществлении формализации и символизации знания. Все более осознается, что там, где человек присутствует, он всегда значим и не может быть выведен за скобки без последствий для видения и понимания самого процесса или события» [Микешина 2016, 411–412]. Как следствие такой трансформации при рассмотрении проблем философии науки можно подключать размышления Г.Г. Шпета, П.Л. Лаврова, В.В. Зеньковского, В. Дильтея и других мыслителей, которые ранее числились в рядах иных специальностей и рассматривались исключительно как персонажи ушедшей в прошлое философии, а не философии сегодняшнего дня.

Монография Н.С. Автономовой «Познание и перевод» — еще один очень серьезный шаг современной отечественной эпистемологии [Автономова 2008]. Традиционно, в обычном мире мы не склонны осознавать всю масштабность проблем, сфокусированных в феномене перевода. В быту перевод — это только «переложение» информации с одного языка на другой. Философское рассмотрение данного феномена дает картину захватывающую, напряженную, полную неотрефлексированных пока смыслов, нюансировки конкретных ситуаций, с которыми сталкивается переводчик (тот, кто «пересекает границы», по удачному выражению Автономовой).

Блистательные работы Н.С. Автономовой, плод многолетнего опыта, впитавшие и отразившие разнообразие ее трудов в качестве практика и теоретика межкультурного диалога. Именно благодаря ее усилиям нам знакомы труды М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакана и других французских философов эпохи структурализма и постструктурализма. Ее по праву можно считать первопроходцем реального «лингвистического поворота» отечественной философии в целом, эпистемологии в частности. В зарубежной философии этот интеллектуальный разворот обсуждался давно, но Автономова заговорила об этом, что называется, собственным, неповторимым голосом. Микешина замечает: «Одна из нетривиальных лингвистически-эпистемологических проблем — это замеченное Л. Витгенштейном “околдовывание” разума средствами языка. Она посвоему исследована Г. Райлом как “дезориентирующая” возможность языка и напря-

мую названа Р. Рорти “гипостазированием языка”» [Микешина 2016, 436]. Г.-Г. Гадамер, в свою очередь, подчеркивал, что многие мнимые философские проблемы возникают не в силу порочности языка, а из-за неправомерных манипуляций метафизики с используемыми ею словами. См.: [Гадамер 1991, 24].

Людмила Александровна фиксирует ситуацию «языковых ловушек», как она осознается в практике лингвистической работы, следующим образом: «Известно, что активация сознания происходит главным образом с помощью языковых форм, при этом происходит преодоление непосредственно воспринятых данных и выход за пределы наглядного опыта, когда многие абстрактные понятия создаются “силой разума” и номинальным определением, соединением концептов, которым нет прямых соответствий в реальном мире. В языке присутствуют как слова, обладающие реальными референтами, так и слова, таких референтов не имеющие» [Микешина 2016, 437].

Так, может, «язык мой – враг мой»? Очевидно, что для филологов, лингвистов, переводчиков это проблема ключевая. Во всяком случае, они практически должны постоянно переходить из одного семиотического пространства в другое, стараясь (порой тщетно!) сохранить оригинал в его своеобразии. Но именно такие переходы демонстрируют совершенно явную невозможность раз и навсегда закрепленной связи между словом и его денотатом. Возникает специфическая проблема «непереводимости». Понятно, что канон «теории отражения» мог сильнейшим образом искажать проблематику переводимости/непереводимости или буквально загнать такую сложную научную проблему «в подполье». В профессиональных кругах перевод сегодня обсуждается в качестве «службы понимания», как «особый исследовательский эксперимент» и т.п. С точки зрения Автономовой, «перевод» становится неотъемлемой философской категорией, и это ею весьма убедительно показано.

* * *

Книга Л.А. Микешиной производит сильнейшее впечатление по объему и интенсивности анализируемой информации, рисуя панораму разнообразия проблематики современной эпистемологии. В каком-то смысле эта монография является на данный момент времени наиболее полным путеводителем в этой области. По этой причине она важна и актуальна для всех специалистов и всех тех, кто желает приобщиться к эпистемологической работе. Людмила Александровна сумела также обозначить действие «коллективной рациональности» нашего философского сообщества, которое отбросило идеологические шоры, водруженные на нашу «оптику» теоретико-познавательных проблем и убийственно сдерживавшие творческую философскую мысль эпохи советской России. Но этот период миновал, и впереди много интереснейшей работы.

Источнику – Primary Sources in Russian and Russians Translations

Гадамер 1991 – *Гадамер Г.-Г.* Философские основания XX века // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991 [Gadamer, Hans-Georg, *Aspekte der Modernität* (Russian translation)].

Лекторский 1980 – *Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980 [Lektorsky, Vladislav A. *Subject. Object. Cognition* (In Russian)].

Садовский 1983 – *Садовский В.Н.* Модели научного знания и их философские интерпретации // Вопросы философии. 1983. № 6 [Sadovsky, Vadim N. *Models of scientific knowledge and their philosophical interpretations* (In Russian)].

Стёпин 1992 – *Стёпин В.С.* Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992 [Stepin, Vyacheslav S. *Philosophical anthropology and philosophy of science* (In Russian)].

Ссылки – References in Russian

Автономова 2008 – *Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008.

Автономова 2011 – *Автономова Н.С.* Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.

Анкерсмит 2009 – *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Гуди 2015 – *Гуди Дж.* Похищение истории. М.: Весь мир, 2015.

- Данто 2002 – Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Достоинство знания 2016 – Пружинин Б.И., Автономова Н.С., Бажанов В.А., Грифцова И.Н., Касахин И.Т., Князев В.Н., Лекторский В.А., Махлин В.Л., Микешина Л.А., Ольхов П.А., Порус В.Н., Сорина Г.В., Филатов В.П., Щедрин Т.Г. «Достоинство знания как проблема современной эпистемологии». Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 20–56.
- Кассирер 2004 – Кассирер Э. Философия Просвещения / Пер. В.Л. Махлина. М.: РОССПЭН, 2004.
- Лекторский 2001 – Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Лекторский (ред.) 2012 – Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+, 2012.
- Микешина 2016 – Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
- Пружинин 2009 – Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009.
- Рикёр 2000 – Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1–2. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Садовский 2004 – Садовский В.Н. Становление философии науки и системного подхода в России во второй половине XX века // Вопросы философии. 2004. № 1. С. 99–109.
- Стёпин, Аршинов и др. 2017 – Стёпин В.С., Аршинов В.И., Гусейнов А.А., Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Федотова В.Г. Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте. Материалы обсуждения избранных трудов В.С. Стёпина // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 5–31
- Уайт 2002 – Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 12. P. 119–130

Ways and Intersections of Modern Epistemology (Reflections on Book)

Natalia I. Kuznetsova

The article analyzes the problems of modern epistemology in the context of understanding the book by Lyudmila Alexandrovna Mickeshina, a famous and authoritative specialist in the field of modern epistemology and philosophy of science [Mickeshina 2016]. It is shown that modern epistemology is experiencing a period of thematic, terminological and meaningful transformations. The author draws the idea that in the book by L. A. Mickeshina carried out a large-scale attempt to demonstrate the intellectual processes in which philosophical gnoseology was involved and which ultimately substantially transformed its problems, goals and objectives. The bottom line is that in the 20th century traditional gnoseology turned into a discipline of a different nature – an epistemology, striving to be as close as possible to concrete cognitive practice, to reflect urgent methodological inquiries and searches for scientific knowledge. Special attention is paid to the distinction between classical and non-classical epistemology, the problem of rationality, understanding the role of phenomenology for the expansion of modern epistemological problems, the dialogue of cognitive practices as one of the most important methodological strategies of the modern philosophy of knowledge, etc. In the foreground are also a discussion of the possible contours of a modern ontology of knowledge, presented in the national epistemological projects of V.A. Lectorsky, B.I. Pruzhinin, V.S. Stepin, V.N. Sadovsky, N.S. Autonomova.

KEY WORDS: gnoseology, epistemology, theory of knowledge, interdisciplinary synthesis, dialogue of cognitive practices, philosophy of knowledge.

KUZNETSOVA Natalia I. – DSc in Philosophy, professor at Department of Modern Problems of Philosophy at Russian State University for the Humanities; Main Research Fellow of Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

cap-cap@inbox.ru

Received at September 9, 2018.

Citation: Kuznetsova, Natalia I. (2018) 'Ways and Intersections of Modern Epistemology (Reflections on Book)', *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2018), pp. 119-130

DOI: 10.31857/S004287440002594-8

References

- Avtonomova, Natalia S. (2008) *Knowledge and Translation. Experiences of the Philosophy of Language*, ROSSPEN, Moscow (In Russian)
- Avtonomova, Natalia S. (2011) *The Philosophical Language of Jacques Derrida*, ROSSPEN, Moscow (In Russian)
- Ankersmit, Franklin R. (1994) *History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London.
- Cassirer, Ernst (1932) *Die Philosophie der Aufklärung*, J.C.B. Mohr, Tübingen.
- Danto, Arthur C. (1965) *Analytical Philosophy of History*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Goody, Jack (2007) *The Theft of History*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Lektorsky, Vladislav A. (2001) *Classical and non-classical epistemology*, Editorial URSS, Moscow (In Russian).
- Lektorsky, Vladislav A. (ed.) (2012) *Epistemology. Perspectives of Development*, Kanon+, Moscow (In Russian).
- Mickeshina, Lyudmila A. (2016) Modern epistemology of humanitarian knowledge: interdisciplinary syntheses, ROSSPEN, Moscow (In Russian).
- Pruzhinin, Boris I. (2009) Ratio serviens? Outlines of cultural-historical epistemology, ROSSPEN, Moscow (In Russian).
- Pruzhinin, Boris I., Avtonomova, Natalia S., Bazhanov, Valentin A., Filatov, Vladimir P., Griftsova, Irina N., Kazavin, Ilya T., Knyazev, Viktor N., Lektorsky, Vladislav A., Makhlin, Vitaliy L., Mickeshina, Lyudmila A., Olkhov, Pavel A., Porus, Vladimir N., Shchedrina, Tatiana G., Sorina, Galina V. (2016) 'The Self-Integrity of Knowledge as a Problem of Modern Epistemology. Materials of Round Table', *Voprosy Filosofii*, Vol 8 (2016), pp. 20–56 (In Russian).
- Quine, Willard Van Orman (1968) 'Ontological Relativity', *The Journal of Philosophy*, 65, 7, pp. 185–212.
- Ricoeur, Paul (1985) *Temps et récit*, Seuil, Paris.
- Sadovsky, Vadim N. (2004) 'The establishment of the philosophy of science and a systems approach in Russia in the second half of the 20th century', *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2004), pp. 99–109 (In Russian).
- Stepin, Vyacheslav S., Arshinov, Vladimir I., Fedotova, Valentina G., Guseynov, Abdusalam A., Lektorsky, Vladislav A., Pruzhinin, Boris I. 'The Analyses of Structure and Dynamics of Science in Social-Cultural Context. Materials of the discussion of V.S. Stepin's Selected Works', *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2017), pp. 5–31 (In Russian).
- White, Hayden (1973) *Metahistory*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland.